

Ночь и уединение (с французского)

Приветствую тебя, благоприятная ночь; приветствую и вас, часы уединения! Твёрдые мысли, добродетельные, благородные порывы гения, чистые восторги сердца: всё это потеряно для человека, пренебрегающего ночным уединением.

с. 998

День расслабляет и омрачает мысль человека. Среди мрака ночного душа сильнее озаряется и умственный взор её становится пронизательнее и свободнее. Днём она, утомлённая движением жизни, оглушённая её шумом, ослеплённая избытком света, как бы теснимая и колеблемая толпой, волнуется в упоении чувств и предаётся им в ущерб соображениям разума. Она находится тогда в страдательном состоянии, — внешние предметы внушают ей свои мысли: смутные, непрестанно прерываемые — они замирают несовершенными, не достигнув зрелости. Во время ночи душа возвращается к свободе и сознательнее разбирает себя: страсти её стихают, мысли, собранные воедино, становятся глубже и стройнее. Она уже не находится в порабощении чувств, не воспринимает рабски, но сама назначает по своему выбору, о чём мыслить. Пространство внешнего мира не ограничивает её деятельности; она несётся по безмерному пространству небес и потом спускается на землю, подобно утомлённым плаванием морякам, которые кидают якорь на дно моря и предаются отдыху.

При наступлении ночи так и представляется десница превечного Бога, простёртая между человеком и суетными предметами дара, которые Он хочет сокрыть от него. Непостоянное позорище мира удаляется и исчезает в наших глазах. Одиноким — пустынный промежуток отделяет нас от него. Только слабые и смешанные отголоски достигают слуха — и те теряются в воздушном пространстве — и мы можем издали и безопасно смотреть на его волнения и кораблекрушения. В эти минуты совершенной тишины душа свободно восходит до небес, взвешивает прошедшее и определяет будущее. Наши погрешности не обольщают тогда нас: порок изобличается во всех своих обманах и не имеет тех обольстительных красок, коими прельщал нас днём. Разум вступает в свои права и принимает владычество над сердцем. Безбожник ночью подозревает присутствие Бога; добродетельный осязает Его.

с. 999

Добродетель среди шума и толпы не может быть свободна от искушений. Редко может случиться, чтобы она, приблизившись к грязному обществу и прикасаясь к нему, оставалась чистою. Немного найдётся людей, которые бы вечером возвращались с неповреждёнными и незапятнанными нравами и тою невинностью, какие имели утром. В течение дня непременно какая-либо добрая мысль теряется, благое желание колеблется, честное предприятие или совсем оставляется, или подвергается искушению со стороны своекорыстия и самолюбия. Иначе и быть не может. Шум, движение, смятенное стечение множества предметов и людей — всё это расточает наши мысли вне нас самих: душа ослабляется и рассеивается. Она небрежёт о своих духовных интересах и подвергается опасностям со стороны порока и примера. Соблазнительный пример очень легко склоняет наш разум на свою сторону. Наглядный порок действует на нас с такою силой, что немногие твёрдые могут противустать ему. Честолюбие воспламеняется огнём почестей; корыстолюбие как зараза сообщается от одного сердца к другому. Распутство и вероломство распространяют вокруг себя заразительную атмосферу, которую мы вдыхаем в себя. Шутя человек учит другого быть бесчеловечным. Страсти мнутся и воспаляют нас. Как часто один неосторожно брошенный взгляд уязвлял сердце внезапно страстью любви и поселял болезненное чувство зависти и ненависти. Зрение, слух и прочая чувства наши всегда могут подвергать опасности нашу душу. В народной школе порока и заблуждения нужно избирать одно из двух — быть — или учеником соучастником или врагом. Но первое на-

с. 1000

рушает нашу невинность, второе возмущает наш мир. Ах, безопасность всегда находится вдали от многолюдства! Вот почему древние мудрецы любили уединение и избрали ночь для бдений и исследований истины! Проникнем в убежище знаменитого Сократа, который свёл философию с неба и заставил её поселиться на земле среди неблагодарных людей, которые в награду за сие благодеяние поднесли ему смертную чашу! Ночные светила разливают свой свет над его головой, а душа его в подвиге, в неустанной пламенной молитве к премудрости; в продолжении всей ночи он неподвижен и как бы прикован к своему предмету. Яркое солнце восходит из волн морских, — он с грустью встречает появление солнца, отрывается от размышлений и снова влечётся на позорище мирской суеты.

Бывают и злоупотребления ночным уединением. Из священной школы мудрости, открытой в течение ночи, человек часто творит себе нечестивое убежище, поощряющее его на преступления. Злодеи скрывают днём свои чудовищные головы; разбойник и убийца спят в своих вертепах до мрака ночи — и пробуждаются с наступлением её — и бодрствуют во время её с тем, чтобы удачнее и безнаказаннее завладеть добычей. В ночном мраке совершаются заговоры и скрытые злоумышления. Вдали от света замышлялись смятения, который колебали государства и обгаляли их кровию. Во тьме ночной чада разврата стремглав предаются ему. Впрочем, нечестивый человек из чего не сделает злоупотреблений! Для человека благоразумного и добродетельного и ночь также светла, как и день.